

РУССКИЙ МАСТЕР В ПАРИЖЕ

Каталог выставки памяти
Николая ДРОННИКОВА

in memoriam

Чебоксары
Чувашский национальный музей
30 апреля – 30 мая 2025 года

Н. Дронников. Автопортрет

Виталий Амурский
НА СМЕРТЬ НИКОЛАЯ ДРОННИКОВА
(прощальное – Коле)

Ну, вот и ты ушёл, и птиц галдёж
Слегка примолк, и стал Париж серее.
Зима. Лишь тучи, будто в мае, всё ж
Густы, как гроздья сломанной сирени.

Такой же, что осталась на холстах
Твоих, где всё всегда так зримо,
И тех, которые, живи ты лет до ста,
Писать бы мог с привычкой к алла прима.

Но век свой, часто вывший как шакал,
Покинул ты, мне кажется, в надежде,
Что где-то ещё ждёт тебя Шагал,
Кишилов ждёт, да и Айги*, как прежде.

Январь, 2025.

* Его давние друзья: художник Николай Кишилов (1934-1973),
поэт Геннадий Айги (1934-2006)

«В СНЕЖНО-ПОЛЫННУЮ ГОРЕСТЬ...»

27 января сего года на 95-ом жизни в Иври-сюр-Сен, парижском пригороде скончался русский художник Николай Дронников.

Н. Дронников родился 2 августа 1930 года в деревне Будки Тульской области. С 1932 года жил в Москве. Рано проявил художественные способности. В 1941 году участвовал в выставке скульптурой «Весна». В 1947 году поступил в Московское художественное училище имени 1905 г. 1952-1957 гг. -- служба в армии в Сибири. В армии издает самиздатский журнал «Морж». В 1957-1963 гг. обучается в Московском государственном художественном институте имени В.И. Сурикова. Участвует в неформальном сообществе художников «Классики», экспонент квартирных выставок. В 1968-1972 гг. преподавал изобразительное искусство в Московском педагогическом институте. Принимает участие в выставках Академии художеств (1963), Манеже (1966), молодых художников на Кузнецком мосту (1967), Осенней выставке на Беговой (1968).

В 60-ые гг. знакомится с Аньес, журналисткой Франс-пресс в Москве. Позже они сочетались браком. В 1968 году во время поездки во Францию встречается с Марком Шагалом и задает ему важный для себя «вопрос жизни»: «Как Вы смотрите на развитие подпольной живописи в СССР?». На что получил ответ мэтра: «В истории была подпольная литература, а подпольной живописи не было. Живопись может развиваться только при наличии свободы...» Николай выбрал свободу и в 1972 году остается во Франции и становится «невозвращенцем». Дронников активно включается в художественную жизнь новой страны обитания. Участвует в выставках Осенних салонов в Париже (1973-1978), вступает в Ассоциацию русских художников и скульпторов, живущих во Франции, Ассоциацию друзей Михаила Ларионова и Натальи Гончаровой, чей жизненный путь окончился на французской земле. Издает их стихи. Проводит его персональные выставки. Он представляет свои работы на выставках в галереях Ниццы, Довиля, Варанжевиля, Марселя, Обонна и др. Много путешествует. Экспонент выставок в Италии, Германии, Швейцарии. В 1981 году принимает участие в выставке-продаже картин парижских художников в поддержку польской «Солидарности».

В Париже общается с представителями первой волны русской эмиграции и последующих, создает их портреты, рисунки, которые объединяются в серию альбомов «Портреты современников»: Ирина Одоевцева, Виктор Некрасов, Андрей Тарковский, Александр Галич, Андрей Синявский, Мстислав Ростропович, Александр Солженицын,

Иосиф Бродский и др. Дронникова даже называли «летописцем русской эмиграции». В этой серии также альбомы, посвященные деятелям искусства, появившимся и выступавшим в Париже (Булат Окуджава, Софья Губайдулина, Святослав Рихтер, Владимир Высоцкий).

В 1988 году во время фестиваля «Poètes Russes» (Гренобль, Париж) Н. Дронников знакомится с Айги. С его поэзией он успел пообщаться раньше, когда в 1982 г. принимал участие в наборе книги «Отмеченная зима» (издание готовила славистка Вероника Лосская) в издательстве А. Синявского и М. Розановой «Syntaxis». В дальнейшем Н. Дронников наберет на своем домашнем печатном станке и издаст около полусотни раритетных книг Айги. В 1994 году он выполняет сценографию, афиши, приглашения поэтического вечера Геннадия Айги в Центре Жоржа Помпиду (Бобуре). Дронников был первоиздателем книги Г. Айги «Поклон – Пению. Вариации чувашских, татарских, марийских и удмуртских народных песен» (1988-1999), а также создал ряд холстов по мотивам этих вариаций (своего рода изопоэзия).

Первой персональной выставкой Н. Дронникова в России после эмиграции была выставка в октябре 2000 г. в Чувашском государственном художественном музее, приуроченная к 70-летию со дня его рождения. Она как бы стала «дверью», через которую его живопись и графика вернулась в Россию. После этого были выставки в Ульяновске, Пскове, в различных московских и Санкт-Петербургских галереях и музеях, в Доме русского зарубежья имени А. Солженицына в Москве (2013). При чем, как правило, после закрытия выставки художник оставлял свои работы в дар устроителям.

В Чувашском государственном художественном музее, в Чувашском национальном музее, в Национальной библиотеке Чувашской Республики хранится много его живописных, графических работ, рукотворных книг, архивных материалов.

Будем хранить память о замечательном художнике, бескорыстном и добром человеке. Как писал Айги:

...и дальние – очень живые
(будто сердца) – начинаются – колокола: (затихая –
все более – ввысь)

*От имени чувашских айгистов
Атнер Хузангай*

В Париже закончил свой земной путь выдающийся русский художник Николай Егорович Дронников (1930-2025).

Уроженец деревни Будки Тульской области, выпускник Московского художественного института имени В. И. Сурикова, носитель традиций русской художественной школы, в легендарном городе на Сене, куда его привела любовь к французской журналистке Аньес, стал изолетописцем русского Парижа. В его домашней галерее мы встречались с запечатленными ликами русских поэтов, художников, музыкантов, режиссеров. Выразительная графика Николая Дронникова впечатывала в память лики Тарковского и Высоцкого, Рихтера и Айги и многих деятелей русского искусства, кто либо жил в Париже, либо бывал там наездами. Как раз Геннадий Айги в девяностые годы прошлого века стал там бывать. Николай и Геннадий подружились. И Дронников не только постоянно обновлял портретную галерею поэта, запечатлевая его в том числе и в камне, и в дереве, но и в своем домашнем издательстве собственноручно создавал книги Геннадия.

Дом Николая и Аньес в Иври (в разное время то район Парижа, то пригород) представляет собой своего рода русский остров во французской столице. На калитке перед домом двуглавый российский орел, в доме большая русская библиотека и уже упомянутая галерея. И, конечно, сам художник — Николай Дронников. В 2000 годах художник приезжал на Родину с выставками. Его экспозиции проходили в Петербурге, Москве, Чебоксарах, Ульяновске, Пскове. Французский поэт и переводчик Леон Робель писал: «Дронников — самый русский из французских и самый французский из русских художников, и это придает его творчеству исключительное качество, которое в будущем обе его родины (и другие страны) смогут признать и считать своим...»

Вечная светлая память!

Сергей БИРЮКОВ

Н. Дронников. Весна (из серии мосты Парижа)

Выставка «Русский мастер в Париже» посвящена памяти Николая Егоровича Дронникова.

На выставке представлена часть «Парижского архива», переданного Николаем Дронниковым в Чувашский национальный музей – это живописные и графические работы, скульптура, артобъекты – выполненные автором тексты Г. Айги на предметах декоративного искусства, папка с рукописью книги Г. Айги «Отмеченная зима», авторские книги.

КАТАЛОГ

Живопись

1. Автопортрет. 1980. Холст, масло.
2. Свобода. Светлее. Давно. Снова воздух в вершинах берез. 1989. Холст, масло.
3. Триптих. «Коля ты Титан». 1994. Холст, масло.
4. Там чудо покрывает ум. 1994. Холст, масло.
5. Поклон – Пению. Окно. 1994. Холст, масло.
6. Поклон – Пению. 1994. Холст, масло.
7. Поклон – Пению. 1994. Холст, масло.
8. Слово – Ворона. 1994. Холст, масло.
9. Гена готовит доклад. 2002. Холст, масло.
10. События: некоторые часы тишины. 1994. Холст, масло.
11. Айги. Поклон – Пению. 36 поэм в исполнении Николая Дронникова. 1994. Холст, масло.
12. Сон – Свет. 2004. Холст, масло.
13. Последний Айги. 2004. Холст, масло.
14. Вид омерзительный. Без даты. Холст, масло.
15. О голубое поле. 1994. Холст, масло.
16. Сон: формы Арпа. Без даты. Холст, масло.
17. Денисова горка Тверской. Без даты. Холст, масло.
18. Доминника Ватье. Без даты. Холст, масло.

Графика

19. Михаил Рогинский. 1982. Бумага, тушь.
20. Айги читает стихи Михаила Сеспеля. 1989. Бумага, карандаш.
21. В фас с рукой. 1994. Бумага, тушь.

22. В чувашской рубаше. 1994. Бумага, тушь.
23. Троелс Андерсен в Бобуре. В президиуме. Поиск черепа. 1994. Бумага, тушь.
24. В поезде Чебоксары – Москва. 1994. Бумага, карандаш.
25. Чебоксары. Рябина. Зима. 2000. Бумага, акварель, гуашь.
26. Дом-музей Маяковского. 2001. Бумага, цв. карандаш.
27. Вероника Лосская в Сорбонне. Без даты. Бумага, карандаш.
28. Анна Лаврова, подруга молодого ещё поэта Лисина (Айги). Без даты. Бумага, карандаш.
29. Атнер Хузангай. Без даты. Бумага, тушь, перо.

Скульптура

30. Леший. 1996. Дерево.
31. Лесной дух. 1996. Дерево.
32. Играет Алексей Айги. 2000. Дерево.
33. Читает стихи. 2007. Дерево.

Артобъекты

34. Тарелка. «Коля ты друг». 1994. Керамика, масло
35. Тарелка. «Идем ко дну». 1994. Дерево, масло
36. Чаша. «Гена. Коля». 1994. Дерево, масло.
37. Слово – Ворона. 1994. Дерево, масло.
38. Коля, ты человек. 1994. Дерево, масло, лапоточки.
39. Икона «Слово – Ворона». 1994. Дерево, масло.

40. К иконе Божей Матери. Без даты. Дерево, масло, оклад иконы.
41. Поклон – Пенюю. «Задрожали верхушки берез...». 1994. Две Ширмы китайских, масло.
42. Рана! Как чудо...». 1994. Дерево, масло, деревянная свистулька.
43. Поклон – Пенюю. «Отец мой...». 1994. Китайский поднос, масло.
44. Поклон – Пенюю. «Никто ничего ни о чем...». 1994. Китайский поднос, масло.

Книги

45. Каталог выставки Н.Е. Дроникова Чебоксары. Чувашский государственный художественный музей. 2000
46. Стихи Айги. Набор открыток
47. А MALEVITCH 2
48. Айги Дронников
49. Окна духа
50. AD
51. Айги

Рукописи

51. Оглавление книги «Отмеченная зима». Рукопись Айги, приложенная к письму В. Лосской. Март. 1979
52. Папка с рукописью книги «Отмеченная зима» Том 1. 1970-е

Н. Дронников. Чебоксары

Из души ~~твоей~~ тоски
 и безверия в себя дух
 чувств, исходящий от
 души и всех нас, не
 даёт мне сдаться
 совсем.

Иван Н. Дронников
 Тарту 30.4.1917

Арсен Мирзаев

ГЕННАДИЙ АЙГИ В КРУГУ ДРУЗЕЙ-ХУДОЖНИКОВ: ВЛАДИМИР ЯКОВЛЕВ,
ИГОРЬ ВУЛОХ И НИКОЛАЙ ДРОННИКОВ (1)

...Через жизнь семьи Николая Дронникова прошла вся история России XX века. Дед художника – раскулаченный крестьянин Тульской области, отец, так и не принявший новую власть, умер от голода в годы войны. Подростком Дронников рыл укрепления для обороны Москвы. Старший брат Николая прямо из Московского художественного училища памяти 1905 года ушел на фронт и погиб на Курской дуге. Личность брата повлияла на решение продолжить начатое им и избрать для себя путь художника.

Получив на дипломный проект в художественном училище образ вождя, Дронников искал повод уклониться от задания – неожиданным избавлением оказался призыв в армию. Через несколько лет службы в Красноярске Дронников вернулся продолжить обучение уже в другой город – на улицы Москвы пришла недолгая пора хрущевской оттепели. Казалось, теперь можно будет сделать многое, и вместе с друзьями по Суриковскому институту Николай Дронников участвует в создании объединения «Классики». Вмешательство служб госбезопасности не заставило себя долго ждать, энтузиазм молодости сменился разочарованием и уверенностью, что ничего не изменилось.

Встреча со знаменитым Марком Шагалом в 1968 году (2) повлияла на решение покинуть СССР. К тому моменту за художником и его женой-француженкой Аньес, журналисткой, работавшей в агентстве «Франс Пресс», уже шла постоянная слежка. Только в 1972 г. Дронников смог выехать во Францию в частную поездку, зная, что уже не вернется. Он стал невозвращенцем. Перед отъездом художник сжигал, будто мосты за собой, в лесу в Подмосковье свои холсты и рисунки – слишком рискованно было оставлять все друзьям.

Во Франции Николай Егорович Дронников занимался не только пейзажами, портретами, скульптурой. Здесь он продолжил и свою издательскую деятельность, начатую, по большому счету, еще в годы армейской службы, когда он с друзьями выпускал (разумеется, подпольно) журнал «Морж». Только теперь его красноярский «самиздат» сменился парижским «тамиздатом». В 1980 г. Николай Дронников создает свою первую руковор-

(1) Отрывок из статьи в сборнике «Интермедияльная поэтика авангарда». Белград; Токио, 2018. С. 157–171)

(2) Дронников Н.Е. У Шагала. Париж: Изд. Н. Дронникова, 1985.

ную книгу-альбом «Русский в Париже» (3) с 27 портретами русских эмигрантов третьей волны: А. Синявского, В. Максимова, Н. Горбаневской, О. Рабина, Л. Плюща, В. Некрасова, А. Галича; представителей старой эмиграции – С. Лифаря и И. Одоевцевой; русских поэтов, наведывавшихся в Париж, – В. Высоцкого, Б. Окуджавы, Б. Ахмадулиной и др.

За 40 с лишним лет издательской деятельности, на домашнем печатном станке (когда работа печатником стала сказываться на здоровье, процесс изготовления книг несколько упростился: в него был вовлечен компьютер), Дронников напечатал, вероятно, около 70 или 80 удивительных авторских книг (4). Тираж их редко превышал 100, а последнее время – 25–30 экземпляров, каждый из которых пронумерован и проиллюстрирован Николаем, порой даже раскрашен им самим от руки.

Вся жизнь Дронникова была связана с искусством, с теми, кто его создавал. Он дружил с поэтом Львом Савинковым, сыном знаменитого террориста и писателя, с Петром Данзасом, получившем в лагере кличку «Секундант» (конечно, их тех самых Данзасов...), с художником-самоучкой Саша Симоном, правнучатым племянником писателя Ивана Гончарова, и многими другими. Среди героев его серии «Портреты современников» – М. Ростропович, А. Солженицын, И. Бродский, Вик. Некрасов, С. Губайдулина, Б. Окуджава. Со многими он был знаком лично, некоторых, в том числе и Высоцкого с Галичем, рисовал в своем доме в парижском предместье Иври. Самые выдающиеся творческие личности России и русского зарубежья стали героями его рукотворных авторских книг. Увидели свет стихи М. Ларионова и Н. Гончаровой, сборник стихотворений «Белая поэзия», «неприличные» советские частушки, семь выпусков «Статистики России. 1907–1917» (записные книжки Н. Дронникова), альбом «Секундант Пушкина» (5) и многое другое.

(3) Дронников Н.Е. Русский в Париже (27 портретов). Рисунки тушью, путевые заметки. Автобиографические рассказы. Париж: Syntaxis, 1980.

(4) Уточнить, сколько все же им выпущено авторских «рукодельных» книг, не может и сам художник. На вопрос о количестве изданий он, как правило, отвечает: «Не знаю, я никогда их не считал». К тому же многие из его книг существуют в различных версиях: в виде книги-как-таковой, папки с вложенными в нее листами, набора открыток etc.

(5) Ларионов М., Гончарова Н. Стихи / Послесл., ил. Н. Дронникова. Париж: Ник. Дронников, 1987 (плюс набор открыток); Бунин, Сирин, Бальмонт, Северянин. Белая поэзия. Париж: Изд. Н. Дронникова, 1989 (с линогравюрами автора «Времена года»); Страна Мурляндия: [Сборник устного словесного творчества] / Сост. Н. Дронников. Париж: Изд. Н. Дронникова, 1985 (с тремя гравюрами на дереве и 14 линогравюрами автора-составителя); Дронников Н. Е. Статистика России. 1907–1917: записная книжка: в 6 вып. / Авт.-сост. Н. Е. Дронников. Париж: Изд. Н. Дронникова, 1983–1987; Дронников Н. Е. Секундант Пушкина. Париж: Изд. Н. Дронникова, 1999 (с портретами поэта, Натальи Николаевны, Пьера Данзаса и Воронцова-Вельяминова; новые франц. переводы из Пушкина Л. Робеля).

Гордостью «тамиздатовской» коллекции Мастера являются выпущенные им книги стихотворений Геннадия Айги, давнего друга Дронникова. Художник изваял Айги в камне, дереве, создал несколько сотен графических и живописных его портретов. Что же касается книг Геннадия Николаевича, оформленных и отпечатанных Николаем Егоровичем, то в коллекции автора статьи их обнаружилось 28 (не считая вариаций и тех изданий, в которые художник помещал в качестве героев, помимо Айги, и других поэтов, художников и музыкантов).

При первой встрече с Дронниковым поражает, что при всех внешних различиях (Г. Н. – довольно шуплый, несколько сторбленный при своем небольшом росте; как любит называть его Виктор Соснора, – «хитрый чуваш», похожий то ли на сатира, то ли на шамана. Н. Е. – кражистый, высокий, с прямой спиной и высоко поднятой головой – парижский художник с лицом тульского крестьянина), поэт и художник чем-то неуловимо похожи друг на друга. Это странное сходство потом отмечалось не раз и другими. А более всего эта удивительная схожесть-родственность бросилась в глаза, когда я разглядывал «парные портреты» Дронникова (Н. Е. изобразил себя и Г. Н. на двух одинакового размера узких фанерных дощечках), привезенные им на одну из своих питерских выставок. Видимо, и сам Айги почувствовал в Николае родственную душу, когда впервые увидел в Париже пожилого, но весьма подвижного и энергичного художника в присланной ему старым армейским другом из Казани татарской тубетейке. «Ты мне брат», – сказал ему Айги.

Об участии Николая в целой эпопее, связанной с изданием одной книги, правда, напечатанной не в собственном издательстве Дронникова, следует сказать особо. В 1982 г. в Париже вышел толстый черный том (собрание стихотворений Г. Айги в двух частях) «Отмеченная зима» (6). Двухтомное собрание стихотворений (свести их в один сборник пришлось, как указано в аннотации, по «издательской необходимости») подготовила Вероника Лосская (7). А выйти этой книге из печати помогал целый ряд замечательных людей, в то время – друзей и соратников Дронникова. Набирал «Отме-

(6) Айги Г. Н. Отмеченная зима: Собр. стихотворений в двух частях / Изд. подг. В. К. Лосская; Предисл. П. Эмманюэль; Обл. И. Макаревича; Рис. на обл. авт. Париж: Синтаксис, 1982.

(7) Лосская В. К. (урожд. Юдина-Бельская) – одна из самых известных французских славистов, филолог, переводчик, доктор наук, профессор Сорбонны. Автор монографий о М. Цветаевой и А. Ахматовой, статей и эссе о русской эмиграции; соавтор трехтомного биографического словаря «Российское Зарубежье во Франции: 1919–2000». Лауреат премии имени М. Цветаевой (2012).

ченную зиму» писатель Николай Боков (8). Он же – вместе с В. Лосской – собирал деньги на издание книги (список лиц, пожертвовавших свои средства на это издание, публиковался в «Русской мысли»). Печатниками «Отмеченной зимы» были Николай Дронников, Игорь Шелковский (9) и Мария Розанова (10). Имел Дронников непосредственное отношение и к изготовлению обложки этой книги с рисунком на ней самого Айги.

Со времени их первой встречи прошло уже много лет. Геннадий Айги представлял работы своего друга-и-брата на выставках в Чебоксарах под названием «Мир этих глаз». Благодаря ему персональные выставки Дронникова прошли в Чебоксарах (в Чувашском государственном художественном музее; 2000), Симбирске-Ульяновске (Литературный музей «Дом Языкова»; 2001), Пскове (Галерея «На Бастийной»), Москве (Государственный культурный центр-музей В. С. Высоцкого экспонировал дронниковские портреты Галича, Высоцкого, Окуджавы и других выдающихся представителей русской культуры из их окружения; работы вошли в изданный музеем в 2002 г. каталог «Дронников Н. Окуджава. Высоцкий. Галич: портреты с натуры; галерея «Ковчег» и галерея «Древо»; 2010; Государственный литературный музей; 2012; Дом русского зарубежья им. А. Солженицына; 2013).

Вдохновившись примером Айги, мы с друзьями и коллегами (прежде всего здесь следует назвать художника Александра Веселова, искусствоведа Елену Тюнину и искусствоведа и поэта Всеволода Рожнятовского (1956–2018), автора большой аналитической статьи о творчестве Н. Дронникова) смогли организовать несколько выставок работ Н. Дронникова в Санкт-Петербурге (наиболее значительные: 2003 г. – в музее-квартире А. А. Блока и галерее «Jam Hall»; 2004 г. – в музее-квартире А. С. Пушкина и том же «Jam Hall'e»; 2005 г. – в галерее клуба «Zoom»). В Питере удалось также издать два альбома, с графическими и цветными репродукциями, статьями о художнике, портретами Айги и его стихами, посвященными Дронникову.

И все же, несмотря на активную выставочную деятельность (Николай Егорович уже довольно давно не выставляется на родине – 2 августа 2018 г. ему исполняется 88 лет – хотя

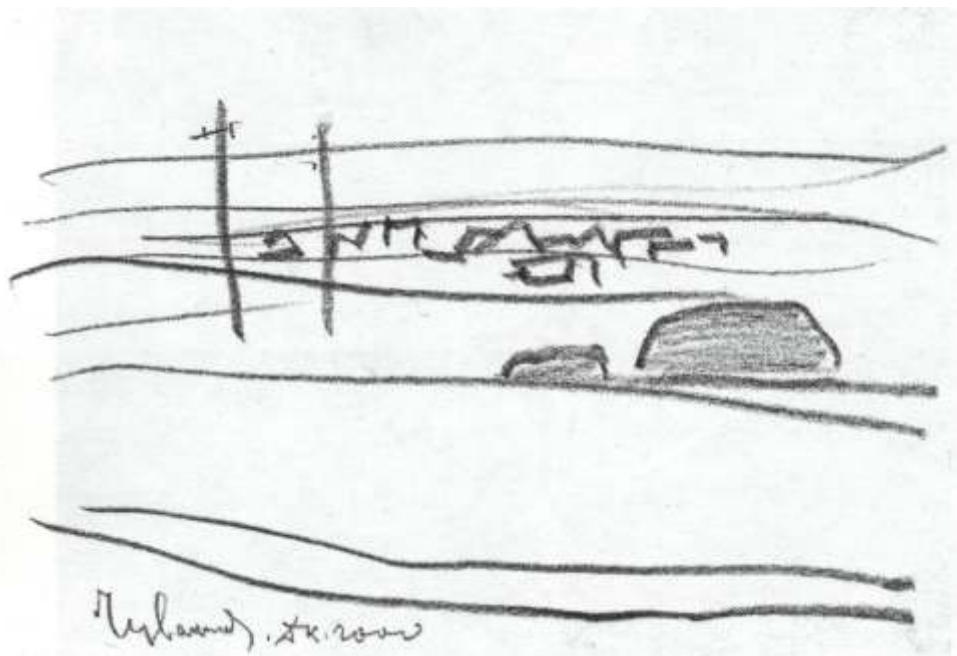
(8) Боков Н. К. (р. 1945) – писатель, в 1975 г. эмигрировавший во Францию. Издавал журнал «Ковчег» (с 1980 г.; вышло 6 номеров). Автор книг «Смута новейшего времени, или Удивительные похождения Вани Чмотанова», «Бестселлер», «Никто», «На восток от Парижа», «Зона ответа» и др.

(9) Шелковский И. С. (р. 1937) – художник, скульптор, редактор. Эмигрировал во Францию в 1976 г. В 1979–1985 гг. вместе с А. Сидоровым выпускал журнал авангардной культуры «А–Я» (вышло 8 номеров).

(10) Розанова М. В. (р. 1930) – литератор, искусствовед, художник-ювелир. Вдова писателя А. Синявского. Основатель (1978) и гл. редактор издательства и журнала «Синтаксис».

до сих пор принимает участие в выставках, устраиваемых в Париже и его окрестностях), несмотря на посвященные Дронникову статьи и даже целые книги, на выпускаемые в Одессе благодаря подвижнической деятельности поэта Игоря Потоцкого издания, оформленные графикой Николая; на несколько выпущенных альбомов его графики и живописи, – несмотря на все это, художника, которого называют «летописцем русской эмиграции», о котором снят ряд документальных фильмов, в его отечестве знают пока что, к сожалению, немногие. Пожалуй, больше всего почитают Николая Дронникова на родине Геннадия Айги, в Чебоксарах. В основном благодаря его бескорыстным дарам, в Национальной библиотеке Чувашии (НБЧ) появился Зал Айги. Сюда же, в библиотеку, он передал весь свой уникальный архив, включающий десятки посвященных Г. Н. изданий, писем, рукописей, портретов (в том числе и скульптурных изображений Айги). Подарил он сотрудникам НБЧ и несколько раритетов, которые выпустил вскоре после смерти Геннадия Николаевича: «Реквием» (в 4-х книгах; 2006) и «Дневник поэта» (в 2-х книгах; 2007, 2008). Этим своим бесценным подарком он как бы ответил на щедрый «аванс» поэта, «выданный» ему довольно давно, подтвердив справедливость айгиевского поэтического высказывания-посвящения:

Коля ты Титан грохочут горы
 Коля ты Человек поют луга
 Коля ты Мастер шепчут реки
 Коля ты Друг скрипит Айги

Н. Дронников. Чувашия

ПОСВЯЩЕНИЯ

Леон Робель

СТРАХ ПЕРЕД БЕЛОЙ СТРАНИЦЕЙ

à Nicolas Dronnikov

Безумец или влюбленный как в лихорадке
пишет страницу за страницей
комкает и бросает
пишет комкает и бросает – он боится
что не найдет нужных слов
но не боится белой страницы

писатель боится белой страницы
как художник боится девственного полотна

он знает
что как только начнет чертить знаки
мир как зародыш начнет развиваться
нет предшествующей модели
к совершенству которой
надо пытаться приблизиться
а есть бесконечность возможностей которые
каждая новая черта будет уничтожать
чтобы создать один-единственный мир

вот этого истребления бесконечности
писатель и художник страшатся

они знают

Виталий Амурский
НИКОЛАЮ ДРОННИКОВУ

Ты говоришь: Айги.
В имени этом, переломив его на два слога,
словно слышится пронзительный крик табунщика.
Но он – поэт тишины.
Первые элементы его словаря: поле, снег...
Поле в чувашской мифологии – Свобода.
Любимый цвет – белый, как крылья ангелов.
О поэте-христианине, наверное, нельзя
говорить как о колдуне.
Но, как поэт, он – именно – колдун.
Шаман,
умеющий находить в лесных дебрях
потайные травы, что могут врачевать душу.
В стихах его живут тени забытых предков.
Хлебников и Малевич – главные учителя его.
Но в свою поэтическую родословную
он также вписал Бодлера, Кафку, Рене Шара.
Неповторимое Слово Айги – из родной Чувашии.
Из той глубокой и вечной России, что уходит
за горизонты южных и восточных степей, лесов, гор,
сводя на нет границы Запада и Востока.
Ни Москва, ни вечный Петербург
Никогда не вдохновляли его, как не могла бы
вдохновить зверя клетка.
Ныне столичный житель Айги – не горожанин.
В облике его, в привычках его –
интеллигентность иная,
корни другие.

От отца – тяга к зеленой лампе, к книге, к языку.
 От матери – к земле, к крестьянскому труду.
 От деда – к саду. Саду разведенному
 на каменистом холме
 вблизи родного Шаймурзино.
 Он умеет восхищаться предметами
 и живыми тварями,
 мимо которых мы проходим, не одарив взглядом.
 А восхитившись – восхищает нас неожиданным.
 Так последнее слово Хлебникова: «ДА» -
 может открыться иным смыслом, стоит лишь
 переставить в нем порядок букв: «АД».
 Увидев однажды твои работы, он сказал, что
 почувствовал через них родную душу.
 Души – параллельные?

.....
 Глядя на печатную «А»,
 вижу я порой
 железнодорожные рельсы,
 смыкающиеся
 у горизонта.

Декабрь, 1989 г

Геннадий Айги

Из цикла «РУССКИЙ МАСТЕР ВПАРИЖЕ»

Николаю Дронникову

...первый след карандаша.

А. Твардовский

1. ДАВНЕЕ РИСОВАНИЕ

спичка шептаться могла – и свеча

Миром была принимая в себя – и казалось что крохи

в сумерках утешающе-теплились хлеба

светом – в сердца исходящим

(...а почему бы и нет?..) – и рука тишиной отягчалась
все более «зримой»:

глаз

будто в родник... - припадая... - (следы начинались

зернистые

первые

скользя – как в гору!

- ...шорох – Его разговор... - через нас

здесь: с Миром)

2. ПРОДОЛЖЕНИЕ

сон-из темнеющих груд-из теней беспокояще-

легких:рукописи-улыбка ребенка

- лист на ветру – (пробуждение – враз – разрушает

собор) – и последнее

вздрагиванье: дрожь – картавости – (лицо наплывает)

– **Растрапа**– (...грусть –

шуршания: бумага-и-молчанья)

4. И СНОВА – «ПЕРВЫЙ СЛЕД КАРАНДАША»

и можно было впасть в обморок от этой зернистости (словно из полей
смотрели

зрачки – какого-то чуда) – о тающее – все так же – младенчество

5. ОЖИДАНИЕ В ИВРИ

и – снова твое

вхождение в квартиру парижскую

словно

само-собиранье во-воздухе

(из – тумана-и-праха)

храма – «какого-то» тульского... -

и шуршание голоса

мне – утопающему

в снежно-полынную горечь...- о сон:

рука – крошащаяся

(будто

в здании-человеке)

друга – в цветущем тумане

грусти Моне... - собирающийся

из дальней-рос-сий-ских-осколков

приближение-сон... - это всем-ведь-собою

(«какой уж ни есть»)

Строиться-строить... - (холсты по стене

будто по давнему шляху

движение телег)

Январь — март 1992

дер. Денисова Горка – Берлин

Примечание автора

Растреп– прозвище М. Ростроповича в узком кругу друзей-музыкантов.

Геннадий Айги

17 ноября 2000

*Николаю Дронникову –
при получении очередной
нашей (с ним) книжки*

а друг мой
как солнечный августовский День
в лесу на поляне
кажется подобием вечности –

так
побеждающею смерть
своим великолепием
кажется книга –

«Раны в сугробах» -

(столь – все – ослепительно)

15 сентября 1996

... а на Адале – Волге
все так же
чудное цветенье невиданной Осени –
эти Дронниковские Дни в Шубашкаре ...

обнимаю мастера

Айги

Н. Дронников
Айги. Чебоксары

Н. Дронников
Чебоксары
(Портрет Г. Айги)

Арсен Мирзаев

Николаю Дронникову

1

учусь
говорить
в школе
немых

2

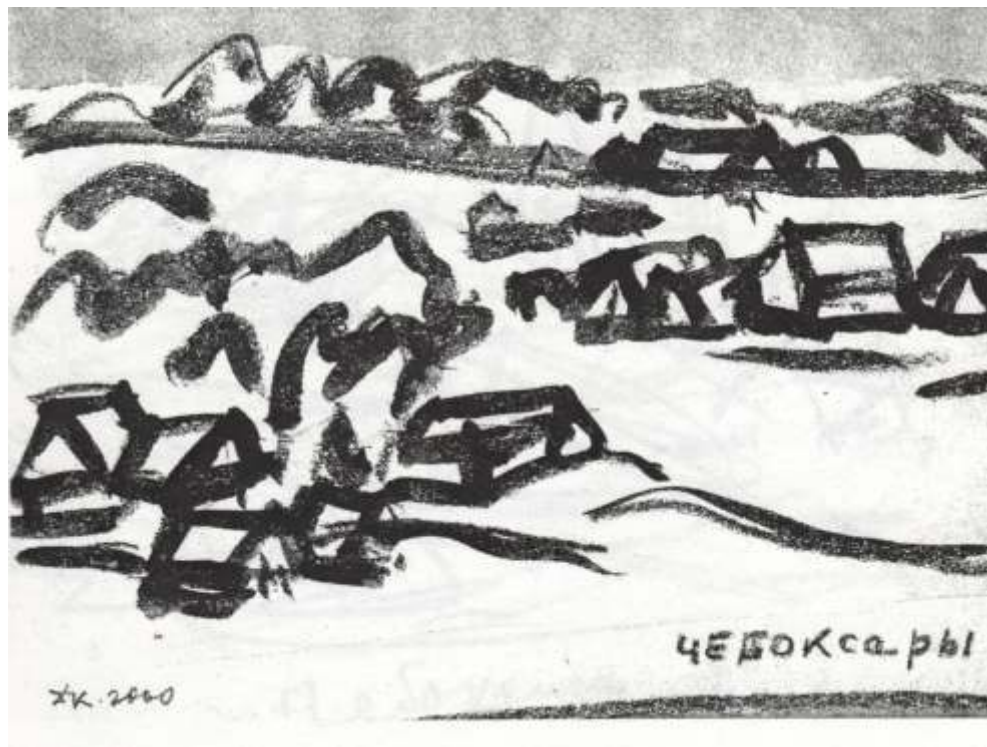
погружаюсь
в глухое
безмолвие —
не по гордыне
из смирения
перед
Господом Словом

Николаю Дронникову

— мороз — в око!
Дронников, окинь НОРД
оковзором!

Н. Дронников. Чебоксары

Н. Дронников. Чебоксары

Н. Дронников. Чебоксары

Сергей Бирюков

«ВСТРЕЧА НА АВЕНЮ АЙГИ»
(фрагментально)

...а вот этот просветленный (обликом, сединой) человек с альбомом, в который он молниеносно заносит наши портреты... это русский художник Николай Дронников, тридцать или больше лет живущий в Париже.. мне он известен задолго до этой первой встречи, давным-давно, когда Гена Айги показал мне книжку в алюминиевой блестящей обложке, где со стихами рифмовались рисунки художника, да так, будто эти авторы нарочно сговорились и т.д., а на самом деле только встретились, но сразу совпали, настолько, что Николай сделал наверно с десятка книг Гены, чрезвычайно разнообразив многочисленные издания последнего (...)

...по рассказам и по книжкам я уже был хорошо знаком с художником, он со мной заочно тоже... но вот довелось все-таки встретиться (...)

...однако это был не просто проход – асфальтированная дорожка – это называлось Авеню Айги... и к стене, отделяющей от другой усадьбы, был прикреплен портрет поэта...

...все в этом дворе и доме было чрезвычайно, ненавязчиво необычно... Николай, встретив, громогласно повел меня по дому, который оказался своего рода галереей, кажется в два этажа плюс подвал... преобладание портретов... вероятно все фигуры русской парижской богемы... например, Ростропович, Синявский, плюс появлявшиеся здесь Солженицын, Бродский... и конечно, множество портретов Айги... во всех техниках – от карандашного наброска до каменных изваяний... я действительно попал а музей поэта Айги...

...во дворе проходим в уютный уголок, название написано «Плас Хузангай», то есть площадь Атнера Хузангая, моего друга и ближайшего друга Айги, замечательного филолога... вот здесь художник усаживает меня в кресло, а рядом помещает скульптурный портрет Гены... так я невольно оказался втянут в процесс портретирования, примерно двухчасовой... в это время мы успели о многом поговорить, включилась в разговор прекрасно говорящая по-русски супруга Николая Аньес, с которой мы, пока Николай работает, потихоньку пьем вино, закусывая сыром... (...)

...неожиданно я встретился со своим другом, который оставил нас совсем недавно, память о котором жива в нас, жива в этих портретах, в этих вещах и предметах, которых касалась его рука, когда он бывал в гостях у Николая... (...)

Елисейские поля и т.п. конечно все это забавно, все эти названия знакомые с детства, и с франкоцентричной юности, увидеть собственными глазами... но ... но... но... я не знаю, что бы осталось у меня от этого посещения Парижа, если бы не визит на Авеню Айги к русскому художнику, похожему на доброго с лукавинкой лешего из русской сказки...

Париж – Галле, июнь 2008 – янв. 2009

Рита Кириллова

О ДРОННИКОВЕ

Имя Николая Дронникова у нас всегда теперь связано с именем Геннадия Айги. Их творческая и человеческая дружба — пример взаимного вдохновения и сотворчества, еще ждущий своих исследователей.

И мы в Чебоксарах узнали о русском художнике Николае Дронникове, конечно, от Геннадия Айги. В ноябре 1996 года в Национальной библиотеке Геннадием Николаевичем был организован вечер, посвященный «мастеру из Иври». Сам художник на вечере тогда не присутствовал, к тому времени он уже почти двадцать пять лет жил в Париже, но собравшимся передали его благодарность за интерес к его творчеству.

То, что не знали, не мудрено. Я не помню ни одного телевизионного сюжета об этом уникальном человеке — не то что в 80-х, но и в 90-х, т.е. даже в те времена, когда, казалось бы, телевизионщики обошли всех творческих эмигрантов. К шестидесятилетию Дронникова был, правда, один материал в «Московском комсомольце», так, говорят, в редакции не умолкали телефоны: давние знакомые лишь из него узнали, что Николай Егорович здравствует и творит. Возможно, что он не попал тогда в вездесущие и полюбившие «заграницу» тв-объективы, что не подпадал под образ уехавшего и преуспевшего (это было тогда очень модно). Он богатым не стал, скорее, наоборот. На полудомашней, никак не смонтированной пленке видно, как не избалован съёмками парижский мастер из России, человек огромного творческого темперамента и уникального творческого почерка, знатока и пропагандиста русской культуры. Он очень хорошо знал цену великому и, как говорится, не за себя горевал каждую минуту: слишком остро чувствовал, как безалаберно мир обращается с талантами. Не потому ли в его живописной галерее столько гениев, которых он был готов рисовать постоянно, превращая мгновенья их жизни в летящие запечатленья. Делал целые альбомы, посвященные Айги, Губайдулиной, Высоцкому, Бродскому, Ростроповичу, Некрасову, Шемякину... Издавал книги в пяти, десяти экземплярах, подписывая каждый ласковым и ироничным «ДК» (что означало видимо Дронников Коля). Каждый экземпляр был в соприкосновении с рукой, каждый уникален, в каждом очень много любви и очень

много одиночества. На каждую из таких книг, помнится, Атнер Хузангай, знающий тогда художника лишь заочно, писал изящное эссе. Но жанр подобного явления, как книги Дронникова, с рисунками, стихами и краткими записями, остался открытым вопросом, распахантым даже, ведь подобные «отражения жизни души» могут определяться нами всегда лишь условно.

На этом вечере одного литературоведа дронниковская свобода художественных и особенно словесных выражений поставила в тупик, и он потребовал определить направление, в котором творит герой вечера. А не ремесленник ли случаем, и... упаси Господи, не толстовец? И Геннадий Николаевич тогда терпеливо объяснял зрителю о народности и культуре. Что это не джентльменский набор, а определённое качество мира, полученное в наследство.

Интересно, что после этого вечера в ответ всего лишь на заметку о нём мастер шлёт из Парижа свои знаменитые книги и автору заметки и автору удивлённых вопросов с благодарностью и творческими раскрасками объятьями. Широкий и талантливый жест – суть также – произведение. Он также прожигает сердце как вдохновенное слово или холст. Любое слово отклика – упразднение пустоты, и он всю жизнь пустоту упразднял, страстно и последовательно. И его книги – коллекции образов, художественных открытий и откровений, которые спасают их от «уплыwania в бездну». Всё это, конечно, соотносится с любым талантливым рисунком или наброском, однако дронниковские портреты и зарисовки застывают на таком пределе, что слово «застывают» тут стыдится самого себя. Дронников – это бесстрашная линия катарсиса. Когда уголь в его руках так «раскаляется» и невозможно представить, как он удерживает его в руках: так огромен накал его отношения. И вместе с этой страстью – нежность и к творению, к искусству, к культуре. Стихи он помещает в огромный альков белого листа, внимая каждому звуку хрупкого создания. Рисунки перекладывает папиросной бумагой, словно бинтует душевные ожоги персонажей, неудержимых, идущих по краю бытия. Дронников делал книги у себя дома, выходя только в лавочку за краской. Печатал на престарелом печатном станке, шрифтами, не снисшимися сегодняшним компьютерам-мудрецам. Выпустил очень много стихов Айги в своих книгах-тетрадах. И всё это «Избранный Айги»,

с вневременными заставочками, будто вспорхнувших в поисках «внеместности» . Губайдулина, её руки на коленях и сжатые губы в «Портретах современников», так чудом попавших мне в руки под магической цифрой «7», потому что таких современников всегда – счётно. По пальцам.

Дронников из тех, кто не смирялся с тем, что культура может уходить сквозь пальцы, как песок, и уходить только от косности, бесчувственности и прочих «защитных функций организма». Он будто вырывал из трагично уносящегося потока «детей Бога» и давал им приют, невыносимо страдая, что не может спасти каждое такое драгоценное мгновение, которые открываются ему и его друзьям по счастью быть художниками.

А потом в Чебоксарах были выставки «Мир этих глаз. Геннадий Айги и его художественное окружение» и «Мир этих глаз 2» с участием работ Николая Егоровича. И его приезд на родину друга, когда в Чувашском художественном музее была организована и персональная выставка. Этот приезд, к тому же, был и его первым приездом в Россию после почти 25 лет разлуки с ней. И к пересылаемым в Чебоксары книгам, листам и альбомам в Чувашской национальной библиотеке (там есть своя «Айгиана») и в коллекциях «айгистов» прибавились собственноручно привезенные художником новые работы, щедрые подарки мастера бессребреника.

В 2013 году Николай Дронников решает передать Чувашии весь свой парижский архив, тогда же Минкультуры республики проводило с художником первые переговоры. Художник и издатель очень хотел, чтобы этот архив оказался на родине Айги (а охотников на него было немало), но сам вывезти его не мог. Так что дело было за республикой. Но вот поиск каналов переправки архивных ценностей стал самым сложным в этом деле.

Через два года, в 2015, прибытие целой коллекции из-за рубежа станет прецедентом для музейной практики республики. Личная и деловая переписка, правка и корректура текстов, имена и адреса тех, кто материально содействовал выходу книг, квитанции, записные книжки, фотографии, рисунки, живопись, произведения декоративно-прикладного искусства и скульптура теперь прописались в фондах Национального музея под именем «парижского архива». Именно туда было решено передать этот архив. А тогда «Операцию «Парижский архив» поручили директору Национального музея

Ирине Меньшиковой. И она принялась искать возможности, как это сделать. Изучала таможенные правила, наводила справки, выходила на тех, кто ездит во Францию по линии Россотрудничества. Однако там что-то не сработало, сотрудники федерального агентства честно сказали, что помочь с отправкой у них не получается, и посоветовали действовать через посольство. «Операция» в результате получилась почти детективная. Причем нашим музейщикам достаточно было того, чтобы коллекцию привезли в любой уголок России, здесь они готовы были ехать за ней уже куда угодно. На имя полномочного посла России во Франции было послано письмо за подписью премьер-министра республики Ивана Моторина. Чтобы посмотреть, что именно должно прибыть в Чебоксары, Ирину Меньшикову командировали во Францию. Увидев и оценив, директор поняла, что упускать ценный материал нельзя – «надо брать» не мешкая. Такая коллекция должна прописаться только в Чувашии. И посольство пошло навстречу. Оттуда написали, что готовы содействовать переправке архива в Россию. С Дронниковым и посольством музейщики в дни переправки были на связи в режиме нон-стоп. Вот художник пишет sms, что привез «груз» в посольство, он уже лежит в центральном зале. Из посольства сообщают: «Машина выехала». В Москву тем временем выезжают наши музейщики. Позднее звонят: «Сидим, ждем машину». Потом: «Едем с грузом». И так весь путь. Директор не скрывает: «Пальцы держали крестиком, чтобы ничего не сорвалось». Потом распаковывали 8 скульптур, 154 рисунка, 22 живописных полотна, из которых самое большое 195x114, переписка, связанная с изданием «Отмеченной зимы» и других книг. Рисунки Дронникова сделаны во время жизни Айги в Париже. Их столько, что по ним можно было делать отдельную выставку и даже рисованный фильм.

Частично документы были почти сразу представлены на выставке, что открыли в День рождения музея. Так получилось, что парижский архив Геннадия Айги и Николая Дронникова прибыл в республику в Год литературы. Хотя, конечно, специально никто не подгадывал.

А к 85-летию Геннадия Айги работы Николая Дронникова увидели зрители больших выставок в главных республиканских музеях, национальном и художественном. Это экспозиция двух десятков живописных работ из собрания Чувашского художественного

музея(во время приезда в Чувашию Николай Дронников не раз был гостем ЧГХМ, которому подарил немало своих работ), названная по имени книги Геннадия Айги «Поклон-Пению» — обращение поэта к фольклорным традициям (второе название книги «Сто вариаций на темы народных песен Поволжья»), выражение огромной благодарности продолжателя русского, европейского авангарда истокам своего вдохновения. И в данном случае это всё были работы, сделанные по мотивам книги, в которых текст Айги становится и графическим образом. Выставка напоминала незабываемую атмосферу тех встреч ее участникам, а новым зрителям показала уникальный пример взаимодействия поэзии и изобразительного искусств

А переписка из «Парижского архива» легла в основу выставки «Отмеченная зима. 1982. История издания книги», показанной в 2019 году к 85-летию Геннадия Айги в Чувашском национальном музее, в одном из его филиалов, – в Музее чувашской вышивки. Выставка после Чебоксар экспонировалась в Москве, в Доме русского зарубежья имени Александра Солженицына, в Батыревском районном историко-этнографическом музее «Хлеб», на родине поэта, а в 2020 году была показана в Санкт-Петербурге в Музее-усадьбе Г.Р. Державина».

И именно в подготовке этой выставки очень помог парижский архив. Его документальная часть. Ведь подготовка и выход книги не могли бы состояться без помощи и тесного сотрудничества Геннадия Айги с представителями русского зарубежья, прежде всего с Вероникой Лосской. Хотя сама книга по замыслу организаторов экспозиции является символическим завершением самого важного периода жизни поэта, от середины 1950-х, когда происходило становление его поэтического языка, до начала 1980-х, когда вышел сборник. Материалы архива Николая Дронникова составили основу этой экспозиции.

РУССКИЙ МАСТЕР В ПАРИЖЕ

Каталог выставки памяти
Николая ДРОННИКОВА

in memoriam

Составитель А. Хузангай

Макет О. Улангин

Чебоксары
Чувашский национальный музей
2025